

IRINA MIKHAILOVNA GANZHINA

Department of the Russian Language Tver State
University

ORCID id: orcid.org/0000-0002-5081-9693

Fields of research: historical onomastics, anthroponymy.

DOI: doi.org/10.35321/all85-08

ON THE DERIVATIONAL POTENTIAL OF CHRISTIAN PERSONAL NAMES IN MEDIEVAL BUSINESS WRITING

Apie derivacinį krikščioniškų asmenvardžių
potencialą viduramžių dalykinėje raštijoje

ANNOTATION

The article examines the derivation of the territorial system of forms of Christian personal names recorded in the 16th–17th century Tver business documents. The author focuses on the word-formation mechanisms that contributed to the appearance of numerous everyday forms of names. It is these structural transformations, coupled with phonetic changes, that form a unique anthroponymic “pattern” in any specific territory.

KEYWORDS: historical regional anthroponymy, Christian personal name, full name form, qualitative, formant, nominal nest, affix, invariant.

ANOTACIJA

Straipsnyje nagrinėjamas krikščioniškų asmenvardžių formų teritorinės sistemos radimasis, užfiksuotas XVI–XVII a. Tverės verslo dokumentuose. Autorius daugiausia dėmesio skiria žodžių darybos mechanizms, kurie prisidėjo prie daugybės buitinių vardų formų atsiradimo. Būtent šios struktūrinės transformacijos kartu su fonetiniais pokyčiais sudaro unikalų bet kurios konkrečios teritorijos antroponiminį „modelį“.

ESMINIAI ŽODŽIAI: istorinė regioninė antroponimija, krikščioniškas asmenvardis, visa vardo forma, kvaliatyvas, formantas, vardinis lizdas, afiksas, (in)variantas.

ВВЕДЕНИЕ

XVI–XVII вв. – важный период в истории русской антропонимической системы, когда формируются нормы русского национального языка, а вместе с ними – и антропонимические нормы. Основой национального языка стала «разговорная речь Московской Руси в ее сложном многообразии [...] – более существенная и определяющая, чем традиции книжно-славянского языка.» (Ларин 1944: 17). При этом историки языка отмечают, что важным характерным признаком образования национального языка является органическое сближение ранее противопоставленных и обособленных систем письменного и разговорного языка, их контаминация (Ларин 1961: 25). Подобный процесс взаимодействия книжных традиций и разговорного языка с преобладанием последнего наблюдаем и в антропонимической системе исследуемого периода.

Объектом настоящего исследования являются христианские личные имена и возникшие в разговорной речи их многочисленные формы, употреблявшиеся на территории тверских земель в преднациональный период.

Целью исследования является описание деривационных возможностей иноязычных христианских личных имен на тверской территории в период формирования русского национального языка, их морфологической и словообразовательной перестройки, происходившей в народной речи как в полных, так и в кратких формах.

Источники исследования – региональные памятники письменности преднационального периода, а именно деловые тексты XVI–XVII вв. (АФЗХ, ДК, КБП, НВЖМ, НМБМ, ПК, ПСЭИ, ТА, ТД, ТДП, ТПК, ЦБИ), зафиксировавшие большое количество различных вариантов и форм христианских личных имен и отражающие живую разговорную речь того времени, когда складывались основные антропонимические нормы (как официальные, так и разговорно-бытовые).

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В процессе работы были применены традиционные для ономастических исследований методы: описательный (включающий сбор материала, последовательность описания, его систематизацию, характеристику), а также приемы формантного метода (вычленение форманта антропонима и установление ономастического ряда на основании идентичности формантов в личных именах). В сфере морфодеривации задействована методика

морфемного и словообразовательного анализов, словообразовательного гнездования.

О ДЕРИВАЦИОННОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ХРИСТИАНСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

В исследуемый период нехристианские онимы вытеснены на периферию, а значительно преобладающие христианские личные имена (ХЛИ) уже хорошо приспособились к русскому языку и в фонетическом, и в словообразовательном, и частично даже в семантическом плане.

Материалы тверской деловой письменности этого периода позволяют говорить об исключительном богатстве словообразовательных возможностей ХЛИ, которые представляют собой хорошо сложившуюся систему, включающую большое число как качественных, так и различных разговорных форм полных имён. Рассмотрим, за счет чего создается это богатство.

Поражает само разнообразие аффиксов (заметим, что суффиксальным способом образовано более 90% отхристианских именных дериватов), в состав которых входят почти все согласные звуки. Например:

Максем-оВ-ко < Максим,
Самъс-ыГ-а < Самсон,
Гри-Д-я < Григорий,
Пен-юЙ < Пентелей < Пантелеймон,
Петр-оК < Петр,
Юр-Л-о < Юрий,
Савость-М-а < Савостьян < Севастиан,
Вах-оН-я < Вахромей < Варфоломей,
Степ-уР-а < Степан,
Леван-иС < Леонид / Леонтий,
Ин-юТ-а < Иннокентий,
Март-юХ-а < Мартин / Мартян < Мартиниан,
Мат-иЦ-а < Матвей,
Фед-Ч-а < Фёдор,
Ефи-Ш < Ефим < Евфимий,
Кузьм-иЩ-е < Кузьма < Косма и т. д.

При этом нередко для удобства произношения на морфемном шве возникали своеобразные интерфиксы, в качестве которых могли выступать все гласные фонемы русского языка, и, таким образом, многие суффиксы функционировали в своих вариантах: *-ай-/-ей-/-уй*; *-ак-/-ик-/-ок-/-ук-/-ык-*; *-ел-/-ил-/-ол-/-ул-/-ыл-*; *-ан-/-ин-/-он-/-ун-*; *-ит-/-ут-/-ят-*; *-еу-/-иу-*; *-ач-/-ич-*; *-аш-/-ош-/-уш-/-ыш-* и др. Ср.:

МосЯГа < *Мосей* < Моисей, *СамсЫГа* < Самсон, *МартЮГа* < Мартын;
ФедЯЙ < *Федор*, *МалЕЙ* < Малафей (Малах) < Малахия, *ПенЮЙ* < Пентелей < Пантелеймон;

АксАК < *Аксен*(тей) < Авксентий, *КостОК* < Костентин < Константин, *МитЮК* < Митрей < Димитрий) / Митрофан и т.п.

Однако наш материал показывает, что не все суффиксы в XVI–XVII вв. были одинаково употребительны. Так, *-Б-* и *-П-* суффиксы в документах не зафиксированы, *-В-*, *-Г-*, *-Д-*, *-М-*, *-Р-*, *-С-* суффиксы редки, в то время как *-Й-*, *-Х-*, *-Ш-* суффиксы с их инвариантами достаточно частотны, а *К-* суффиксы сверхчастотны и во многих отношениях универсальны. От степени продуктивности данных морфем напрямую зависели их сочетаемостные возможности, когда в одном квалитативе соединялись два, а иногда и три суффикса, образуя единый сложный формант. Ср. сложные варианты на основе *-Ш-* суффиксов:

-Ш-К(а, -о) (*Горашка* < Горасим < Герасим; *Ефишка*, *Ефишко*, *Офишко* < Евфимий; *Игнашка*, *Игнашко* < Игнатий, *Поташко* < Потап < Патапий);

-АШ-К-/-ЯШ-К(а, -о) (*Дмитрашка* < Димитрий, *Коняшко* < Конон; *Лукашка* < Лука / Лукиан; *Петрашка* < Петр);

-УШ-К-/-ЮШ-К(а, -о) (*Евтюшка* < Евтихий, *Калушка* < Каллиник, *Макушка* < Максим / Макарий, *Митюшка* < Митрей < Димитрий);

-Ш-АК (*Данишак* < *Даниил*, *Кошак* < Конон / Константин / Кондратий / Корнилий, *Манишак* < Мануил, *Мишак* < Михаил / Митрей < Димитрий / Митрофан / Мина / Мирон / Михей, *Перишак* < Перфилий < Порфирий);

-Ш-ИК (*Анжик* – вероятно, **Анишк*: в текстах нередко мена глухой / звонкий < *Андрей* / Андроник / Антипа / Антоний);

-Ш-УК (*Ишук* / *Ешук* < *Иван* / Илия, *Лашук* < Лахтион < Галактион / Лавр / Лаврентий / Лазарь, *Лешук* < Леонид / Лексей < Алексей);

-Ш-УК(а) (*Машука* < *Мануил* / Максим / Макарий / Матвей);

-Ш-АН(я) (*Машаня* < *Мануил* / Максим / Макарий / Матвей);

-Ш-ЕН(я) (*Тешеня* < *Тихон*);

-Ш-ЕН(ь) (*Тишень* < *Тихон*, *Пашень* < Павел / Пахомий / Патапий, *Фешень* < Федор, *Мишень* < Михаил / Митрей < Димитрий / Митрофан / Мина / Мирон / Михей, *Юшень* < Юрий);

-Ш-ИН(я) (*Гашина* < *Гавриил*);

- Ш-УН(я) (*Гошуня* < Гавриил);
- Ш-УЙ (*Кашуй* < Конон / Каллиник / Константин);
- Ш-АЙ (*Кашай* < Конон / Каллиник / Константин);
- Ш-АР(а) (*Кишара* < Кирилл / Киприан / Кит < Тит);
- Ш-УР (*Вошур* < Вохрамей < Варфоломей / Василий / Варлаам);
- Ш-ИЙ(а) (*Лешица* < Лексей < Алексей);
- Ш-УТ(а) (*Вашута* < Вохрамей < Варфоломей / Василий / Варлаам, *Гашута* < Гавриил, *Гришута* < Григорий, *Ишута* < Иван / Илия, *Паршута* < Парамон / Порфирий);
- Ш-УТ/ЮТ-К(а) (*Машютка* < Мануил / Максим / Макарий / Матвей, *Мишутка* < Михаил / Митрей < Димитрий / Митрофан / Мина / Мирон / Михей);
- Ш-ЕН-К(а) (*Мишенка* < Михаил / Митрей < Димитрий / Митрофан / Мина / Мирон / Михей);
- Ш-УР-К(а) (*Вашурка* < Варфоломей / Василий / Варлаам).

При этом анализ показывает, что продуктивность отдельных формантов нередко увеличивалась в случае прибавления к ним самого частотного суффикса -К-, всегда замыкавшего большую часть комбинаций – ср. ещё:

- УН-К(а) (*Карпунка*, *Петрунка*);
- ИС-К(о) (*Иваниско*);
- УЙ-К(а) (*Петруйка*);
- ОВ-К(о) (*Максемовко*) и др.

По всей видимости, некоторые из подобных последовательностей со временем приобретали способность функционировать как единый словообразовательный элемент, однако, судя по материалам среднерусской деловой письменности, процесс этот был длительным, осложнявшимся явлениями переразложения, взаимопроникновением контактирующих морфем, утратой промежуточных звеньев словообразовательной цепочки, аналогиями, формально-ассоциативными отношениями, что нередко приводило к омонимии в сфере именного формообразования. В исследованных документах, носивших официальный характер, в отличие от современного разговорного языка, число форм со сложными формантами по сравнению с простыми было невелико, поскольку двойная, а тем более тройная суффиксация, по наблюдениям исследователей, «в основном отражает повышение экспрессивной окраски» (Сальмон 2002: 53).

Кроме того, форма одного и того же имени (как полного, так и краткого) могла оформляться разными финалями:

- Еливферий*, *Олферий*, *Олферей* (*Алферей*), *Олфер* < Елевферий;
- Захарья*, *Захарей*, (*Зохарей*), *Захар* < Захария;
- Игнатий*, *Игнатей*, *Игнат* < Игнатий;

Еремей, Ерема < Иеремия;

Ларя, Ларь < Ларион;

Акиш (Окиш), Акиша < Иакинф;

Иванок (Ванок), Иванко (Иванько), Иванка (Ванка) < Иван;

Июда (Юда), Июд < Иуда;

Калина, Коленик (Коляник) < Каллиник;

Карп, Карпа < Карп;

Кирей, Кур (Чюр), Чюран, Чюрик, Чюрак, Чюрка < Кир / Кириан / Кирилл; Кирилл (Кирилл), Кирила, Кирило (Чурило, Чюрило) и т. д.

Интересно, что при вхождении иноязычных личных имён в ономастическую систему русского языка повторяющиеся их конечные части (-ий, -ей, -ан, -а, -им, -он, -ия и др.) стали восприниматься как своеобразные аффиксы, в результате чего нередко происходила реструктуризация полных форм ХЛИ за счет усечения, наращения либо мены финалей (подробно об этом см.: Ганжина 2013, 2015).

Как видно даже из предыдущих примеров, разнообразие именных форм определялось еще и тем, что суффиксы во всем многообразии их вариантов могли присоединяться к различным фонетическим вариантам разговорных, народных, диалектных форм крестильных имен – ср. именные гнезда:

Иоаким > Аким, Оким, Еким, Яким, Акиш, Окиш, Акиша, Екимко, Якимеу, Якимка, Якимко;

Иосиф > Иосиф, Осиф, Осип, Есип, Осипка, Осипко, Оська, Оска, Есипко, Еська, Еска, Есюк;

Емелиан > Емельян, Омельян, Амельян, Мельян, Омельянко, Омельянка, Омелька, Омелька, Омеля, Оменя, Амелка, Мелюша;

Евсей > Евсей, Евсвей, Овсей, Евсей, Овсей, Осей, Евсейеко, Евсеюшка, Овсейк, Овсейко, Овсяник и т. д.

Сами производящие основы для квалитативов могли быть как полными, так и различной степени сокращения, что еще более разнообразило антропонимическую картину. Например:

Иван > ИВАН-еу, ИВАН-ок, ИВАН-ко, ИВАН-ка, ИВАНЬ-ко, ИВАН-ис, ИВАН-иско, ИВАН-ик, ЕВАН-ча, ЯН-ка – ИВА-ш, ИВА-шко, ИВА-шка – И-шута – ВАН-ка, ВАН-ок – ВА-хно, ВА-хоня;

Конон > КОНОН-ка, КОНОН-ко, КОНАН-еу – КОН-яй, КОН-яшка, КОН-яшко, КОН-ашко, КОН-ша – КО-ка, КО-шко, КО-шута, КА-шута;

Димитрий > ДМИТР-ок-ъ – МИТР-ох-а – МИТ-к-а – МИ-н-я;

Юрий > ЮР-к-а – Ю-ш-к-а;

Алексей > ОЛЕ-х-ъ, ОЛЕ-ш-а – ОЛ-ух-ъ – ЛЕ-ш-к-а, ЛЕ-ш-ш-а и т. п.

Таким образом, чрезвычайная пестрота и разнообразие форм ХЛИ в старорусском языке возникали благодаря совокупности факторов и зависели

от способа образования онимов с их флексийным варьированием; от того, к полному или усеченному имени добавляется суффикс; от различной степени усеченности основы одного и того же производного имени; от мягкости или твердости одной и той же усеченной части имени (ср.: *Васка* – *Васька*, *Сенка* – *Сенька*, *Митка* – *Митька* и т. п.); от того, какой вариант личного имени лежал в основе производной формы: приближенный к церковному или народный в различных его фонетических модификациях (*Герасимка* – *Горасимко*; *Никитка* – *Микитка*; *Матфейеуц* – *Матвейко*; *Титко* – *Китай*; *Лутьяanko* – *Лукьяanko*; *Осипко* – *Еска* и др.).

ВЫВОДЫ

Исследованный материал убедительно показывает, что палитра имен, использовавшихся в прошлом, была значительно ярче, разнообразнее и богаче, нежели в современном русском языке, и ХЛИ обладали широким диапазоном вариативности – как в полных, так и в квалитативных формах. Собранные вместе, они образуют совершенно неповторимый антропонимический узор, свои локально ограниченные именные гнезда. Поэтому разработка регионального антропонимического словообразования (с учетом локальных морфонологических явлений, сопровождавших словообразовательные процессы) позволит приблизиться к решению многих до сих пор не решенных проблем – таких, как география личных имен и их форм; вопрос об их социальной дифференциации; об их местной, локальной фонетической и морфологической окраске; о диахронических локальных морфонологических явлениях, сопровождавших словообразовательные процессы; вопрос, от какой формы христианского имени образованы отдельные квалитативы; реконструкция исходного имени в группе так называемых ассоциативных имен и др. И, конечно, изучая антропонимы в диахронном аспекте, мы вправе ожидать решения этимологических загадок, поскольку вышедшие из употребления варианты и формы имен и производные от них зафиксированы во множестве современных русских фамилий и в тысячах ойконимов.

БИБЛИОГРАФИЯ И ССЫЛКИ

АФЗХ – Зимин Александр А. 1956: *Акты феодального землевладения и хозяйства* 2, отв. ред. Л. В. Черепнин, Москва: Институт истории АН СССР.

Ганжина Ирина М. 2013: Реструктуризация христианских личных имён в преднациональный период: имена на -а, -ия. – *Вопросы ономастики* 2(15), 128–136.

Ганжина Ирина М. 2015: Реструктуризация христианских личных имен в преднациональный период: имена на *-ō (-ъ, -о). – *Вопросы ономастики (Problems of Onomastics)* 1(18), 165–174.

ДК – *Дозорная книга города Твери 1616 года*, ред. В. Н. Сторожев, Тверь: Типография Губернского правления, 1890.

КБП – *Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией* 6, под редакцией П. И. Савvaitов, Санкт-Петербург: Типография Безобразова, 1910.

Ларин Борис А. 1944: *Разговорная речь Московского государства XVI–XVII вв. в записях иностранцев*: Тезисы доклада на сессии, посвященной 125-летию Ленинградского университета. – Ленинград, 1944.

Ларин Борис А. 1961: Начальный этап формирования русского национального языка. – *Разговорный язык Московской Руси*, Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 22–34.

НВЖМ – *Архив Новоторжского Воскресенского женского монастыря*, Старица: Типография И. П. Крылова, 1910.

НМБМ – *Грамоты Новоторжского мужского Борисоглебского монастыря*, Тверь: Тверская ученая архивная комиссия, 1903.

ПК – *Писцовые книги Московского государства XVI века* 1, ред. Н. В. Калачев, Санкт-Петербург: Издание Императорского русского географического о-ва, 1877.

ПСЭИ – *Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV–XVII вв.* 1, ред. С. Б. Веселовский, А. И. Яковлев, Москва: Издательство Центрархива РСФСР, 1929.

Сальмон Лаура 2002: *Личное имя в русском языке: Семиотика, прагматика перевода*, Москва: Индрик.

ТА – *Тверские акты, изданные Тверской ученой архивной комиссией*, вып. 1: Акты 1506–1647 гг., ред. С. Шумаков, Тверь: Типография Губернского правления, 1896–1897.

ТД – Сторожев Василий Н. 1893: *Тверское дворянство XVII в.*, вып. 2, Тверь: Тверская ученая архивная комиссия.

ТДП – Бондарчук Наталья С., Кузнецова Роза Д. 1986: *Тверская деловая письменность XVII–XVIII вв.*, Калинин: КГУ.

ТПК – Торопецкая писцовая книга 1540 года. – *Археографический ежегодник за 1963 год*, Москва, 1964.

ЦБИ – *К материалам для церковной и бытовой истории Тверского края в XV–XVI вв.* 2, ред. М. Рубцов, Старица: Типография И. Н. Крылова, 1905.

Apie derivacinį krikščioniškų asmenvardžių potencialą viduramžių dalykinėje raštijoje

SANTRAUKA

XVI–XVII a. šnekamosios kalbos pagrindu buvo aktyviai formuojamos rusų tautinės kalbos, o kartu ir antroponiminės, normos. Iki to laiko buvo plačiai vartojami užsienio kalbų krikščioniški asmenvardžiai, kurie fonetiniu, darybiniu ir net iš dalies semantiniu lygmeniu buvo pritaikyti rusų kalbai. Šio laikotarpio Tverės verslo raštų medžiaga liudija plačiausias krikščioniškų asmenvardžių darybos galimybes šnekamojoje kalboje. Straipsnyje analizuojamos priežastys, lėmusios tokią išskirtinę tiek visų, tiek kvaliatyvinių vardų formų įvairovę:

- 1) didelė priesagų įvairovė, įskaitant beveik visus rusų kalbos priebalsius;
- 2) savitų interfiksų, kuriais eina įvairūs balsiai, atsiradimas daugelyje formantų – taigi dauguma priesagų turėjo savų variantų;
- 3) priesagų gebėjimas jungtis tarpusavyje ir sudėtingų formantų formavimas;
- 4) galimybė pridėti priesagas prie įvairių liaudies fonetinių variantų – tiek prie viso, tiek prie sutrumpinto pirminio vardo kamieno;
- 5) net ta pati vardo šaknis (bazė) galėjo turėti skirtingą paskutinę dalį ir atitinkamai priklaustyti skirtingoms paradigminėms klasėms.

Visa krikščioniškų asmenvardžių sistema prieštautiniu laikotarpiu buvo daug ryškesnė, įvairesnė ir turtingesnė nei šiuolaikinėje rusų kalboje. Regioninės antroponimų darybos tyrimas leis priartėti prie daugelio dar neišspręstų antroponiminių problemų sprendimo.

Įteikta 2021 m. rugsėjo 31 d.

IRINA MIKHAILOVNA GANZHINA

Department of the Russian Language Tver State University

Tchaikovsky str. 70, Tver, 170002, Russia

emmaus1962@yandex.ru